

Теоретические предпосылки национализма

О. А. Сухорукова^{1,2}

¹ *Московский городской педагогический университет (МГПУ)*

² *Национальный исследовательский университет «МИЭТ»*

Поднимается проблема деформации национального дискурса. Отвечая на вопрос о причинах этого явления и предпосылках формирования ложного национализма, автор анализирует понятия нации и секулярного общества, рассматривая их взаимосвязь через ценностные ориентиры. Нация является культурным конструктом, основанным на общих ценностях, созданных коллективным творчеством различных этносов. Секуляризация культуры способствует переносу трансцендентных ценностей в политическую сферу, затрагивая при этом нацию. Утилитаризм Нового времени деформирует национальный организм, превращая культурный национальный конструкт в политический. Результат — потеря оригинальной национальной культуры и появление ложного национализма.

Ключевые слова: нация; политический национализм; секулярное общество; идеология; общественный идеал; квазирелигия; обожествление нации; культурный конструкт; трансцендентные ценности.

Век XIX стал веком идеологий и наций. Оба эти явления возникают и существуют параллельно, в какие-то моменты пересекаясь. Вследствие этого процесс создания нации взаимосвязан с той или иной идеологией или даже замещает ее, когда нация сама олицетворяет идеологию. В последнем случае появляется национализм или его радикальный вариант — нацизм. С учетом этого необходимо разделить понятия «национальность» и «национализм». Если о формировании наций многие специалисты говорят как о закономерном историческом явлении, то возникновение национализма оценивают как деформацию национального дискурса или неверное толкование национальности (ложный национализм).

Проблема национализма сложна и неоднозначна. Рассмотрим ее с двух позиций. Вначале определим понятие «нация». Она является продуктом секуляризованной культуры, следовательно, необходимо уточнить, что подразумевается под секулярным обществом.

Большая часть современных исследователей сходятся в том, что точкой отсчета процесса образования наций и идеологий служит Новое время, замечая, что особый импульс он приобретает со второй половины XVIII в., а именно с Великой Французской революцией. Период становления индустриального общества, его демократизация создают такие предпосылки для возникновения наций, как развитие промышленности и массовой культуры с ее обязательным компонентом — введением и распространением всеобщего образования. Сегодня нет единого общепринятого понимания нации, выработано много дефиниций, группирующихся по двум направлениям: примордиалистское и конструктивистское. Данное деление условно, так как оба подхода к изучению национального вопроса ограничены. С одной стороны,

нельзя говорить о нации только с позиции примордиализма, поскольку она не есть постоянная и неизменная субстанция исторического процесса; с другой — ее нельзя признать и некой абстракцией или метафизической конструкцией, возникшей без какого бы то ни было этнографического материала.

Приведем несколько примеров определения нации и обозначения факторов, повлиявших на ее формирование. Философ русского зарубежья П. М. Бицилли трактовал нацию как оригинальный культурный феномен: «Нация есть культура, т. е. творчество, создание ценностей. В творчестве народ, как и единичная личность, выражает себя, свою душу, свою индивидуальность. Всякая же индивидуальность ограничена» [1, с. 120]. На культурный аспект национальности обращает внимание и современный исследователь В. М. Межуев: «Принципом существования национальных культур (в отличие от народных) является... свободная в своем самовыражении и духовном выборе личность. Если народ можно определить как коллективную личность (здесь личность как бы одна на всех), то нация — это коллектив личностей, где каждый имеет свое неповторимое лицо. Нация тем и отличается от народа, что рождает и культивирует особый тип личности, способный быть чем-то большим, чем просто слагаемым той или иной коллективной общности. Она не отрицает своих этнических корней, целиком вбирает их в себя, но потому и не является этнографической категорией, что связывает людей единством не крови, а культуры, которая дается индивиду не от рождения, а в результате его собственных усилий и свободного выбора» [2, с. 12].

Немецкий социолог К. Дойч считал образование нации следствием урбанизации, складывания рынка и сети железных дорог: системы коммуникаций, без которых невозможны эти процессы, позволяют сформировать национальную общность. Британский историк Э. Хобсбаум полагал, что в процессе нациообразования способна сыграть решающую роль национальная традиция, выраженная через символику (литература, гимн, костюм). Она может существовать вне исторического прошлого, быть «изобретена» интеллектуальной элитой, и становится основой единой национальной общности. По замечанию современного классика теории национализма Х. Кона: «Национализм — это прежде всего и в основном способ мысли, творение сознания, которое становилось все более и более общим, начиная со времен Французской революции... Национальности являются продуктом исторического развития общества. Они не идентичны кланам, племенам или народным группам — группам, объединенным реально существующим или предполагаемым родством и местом проживания. Подобные этнографические группы существовали на протяжении всей истории с самых ранних времен, но они не формируют национальностей; они не что иное, как “этнографический материал”, из которого при определенных обстоятельствах может произойти национальность» [3, с. 36—37].

Британский социолог и политолог Б. Андерсон определяет нацию как культурный артефакт и говорит об ее формировании как о процессе возникновения новых смыслов, идей, образов и систем ценностей: меняется историческое время, а с ним и мировоззрение — оно становится светским. Секуляризм вытесняет религиозную культуру, поэтому нация приходит на смену сакральным образам общности — религиозному и династическому.

Приведенные выше положения можно обобщить следующим образом: нации появляются в период индустриального общества; их можно сконструировать или создать; нация — это культурный конструкт, не являющийся этнической категорией,

основанной на доминировании кровнородственных связей, хотя он создается на базе этнографического (этнического) материала; это определенное представление общества о себе самом, а также явление секуляризованной культуры.

Обратимся к понятию «секулярное общество». У него несколько определений и вариантов классификации обозначаемого им явления. Так, австрийский и американский социолог и теолог П. Бергер сопровождает предлагаемую собственную типологию секулярного общества замечанием: «Любые типологии, конечно, слишком упрощают социальную реальность, однако полезно иметь в виду весь спектр существующих секуляризованных вариантов. Во-первых, существует умеренный вариант, характерный для традиционного американского взгляда на разделение церкви и государства. Затем существует более радикальный вариант, представленный французской *laïcité*, а позднее позицией ACLU, в котором религия одновременно ограничивается приватной сферой и защищается законодательством о религиозной свободе. И, наконец, существует секуляризм (как в советской ситуации), который приватизирует религию и стремится ее подавить; и его приверженцы могут быть столь же фанатичными, как и религиозные фундаменталисты» [4, с. 12]. Американский социолог Х. Казанова выделяет три положения, определяющие секуляризованное общество: религия теряет свою социальную значимость; происходит ее приватизация; она превращается в рядовую подсистему общества.

Рассмотренные подходы к определению секуляризации общества показывают, что религиозное мировоззрение больше не является всеобщим и определяющим, каким было до Нового времени. Общественное мировоззрение стало дифференцированным, формально религия превратилась в один из элементов восприятия и объяснения картины мира. В лучшем случае она занимает в обществе автономное положение, считается личным делом человека, наряду с другими его взглядами и убеждениями защищается законом, но при этом не находит достойного применения в мировоззренческой парадигме. В худшем — религиозные идеи объявляются недопустимыми, а людей, исповедующих их, подвергают гонениям. Секуляризация или обмирщение культуры привели к отмене религиозных представлений о человеке, обществе, государстве и тем самым начиная с XVII в. изменили расстановку ценностных ориентиров. Эти перемены коснулись только образованной части общества, однако неизбежно сказались и на общей тенденции общественного сознания.

Изменив в эпоху рационализма правовой, политический и социальный статус религии, человек не смог трансформировать свою сущность, искоренить свою потребность в высшей абсолютной ценности (или высших ценностях), высшем нравственном законе. Слишком тонкая грань между священным и мирским стала главной причиной либо смешения, либо неверного толкования этих понятий, что привело в отдельных случаях к замещению в культуре высшей трансцендентной ценности Божественного Бытия иными объектами поклонения и превосходства, выражающими высший смысл и значение в жизни общества (в зависимости от исторической традиции и особенностей той или иной культуры — государством, человеком, личностью, этносом, природой и др.). Каждый из подобных объектов может символизировать высшую ценность, выступать в качестве высшего идеала, в некоторых случаях обожествляться. Таким образом, одним из важнейших последствий секуляризации стало уравнивание абсолютного и относительного через соединение двух сфер бытия, перенос абсолютных трансцендентных ценностей на земную плоскость.

Этой проблеме посвящена работа известного философа и правоведа П. Н. Новгородцева «Об общественном идеале» (1917—1921). В ней делается вывод о том, что в основе западноевропейской и отечественной социальной философии лежало представление о возможности создания идеального общества. От просветителей XVIII в. до учения К. Маркса эта идея главенствовала в общественном сознании, в чем и состоит проблема и перелом общественного правосознания. Кризис, по мнению Новгородцева, заключался в том, что на «пути стремления к сверхприродному и божественному приходят к обоготворению исторического и относительного...» [5, с. 70], тогда как «в относительных условиях действительности абсолютный идеал никогда не может стать обладанием и блаженством. Полагать такую цель историческому созиданию — значит сбиваться на ложный путь» [5, с. 68], ибо «тот идеал абсолютного блаженства, которого жаждет религиозное сознание и которое представляется как слияние относительного с абсолютным, как увековечение человека в Боге, имеет в виду жизнь потустороннюю, порядок сверхприродный» [5, с. 70].

Параллельно с созданием и «обожествлением» общественного идеала идет процесс «обожествления нации» — нового явления (конструкта), сложившегося в индустриальном обществе. Секуляризация культуры вытеснила церковь за границы общекультурной парадигмы и перенесла церковные функции на политические и общественные институты, что стало одним из факторов, повлиявших на изменение приоритетов в мировоззренческой парадигме XIX в., в которой отдельные идеологии, в том числе и понимание нации, приобретают сакральный характер. О новом соотношении национального и религиозного в XX в. пишет представитель русской эмиграции первой волны Н. А. Клепинин: «Имеет ли национализм религиозный смысл? Может ли он быть оправдан и утвержден религией или он совсем для нее безразличен? Этот вопрос особенно остро стоит в наше время. Ответы на него даются различные. Многие русские люди именно через национальную боль пришли к церкви. Для них национализм неразрывно связан с религией. Именно в религии, и только в религии они видят подлинное обоснование национализма... Но, с другой стороны, есть другие люди, которые именно придя к вере и Церкви отвернулись от национализма» [6, с. 69]. Эта проблема, как полагал Клепинин, напрямую связана с религиозным кризисом современного общества, затронувшим либо неопитов, либо людей, служивших до революции земным ценностям и переживших в результате нее мировоззренческий кризис. В любом случае «для людей, бывших всегда церковными, этот вопрос... не возникает... Истинный национализм не противоречит вселенскости. Наоборот *путь к вселенскому лежит только через национальное...* Но национализм не должен утверждать своей самостоятельной, абсолютной ценности. Этим он теряет свое религиозное утверждение и лишается своего смысла» [6, с. 69—79]. Таким образом, Клепинин указывает на важную особенность национального процесса в христианской культуре. Нация появилась и существует как соподчиненная система в лоне метафизического процесса. Идея ее создания сопряжена с высшим религиозным смыслом. Возникновение, роль в истории и предназначение нации (или народа, если речь о Средневековье) целиком и полностью зависят от Божественного провидения. Сама по себе нация (народ) не является самодостаточной и автономной культурной единицей, ориентированной на себя и видящей смысл своего образования в себе самой, но подчинена высшей религиозной задаче, смыслу Божественного устройства мира. Классический пример — история еврейского народа, созданного как избранный, с миссией сохранения веры в единого Бога.

У всех явлений, образованных в Новое время (идеологий и наций), есть свои объяснения и предпосылки в социально-экономической и политической сферах. При научном подходе эти явления исследуются без придания им высшего и безусловного значения. Но как только какое-либо из них (нация, государство или общественное устройство) приобретает абсолютную категорию, учение о нем становится квазирелигиозным. Если речь идет о нации, национальный дискурс деформируется и приводит к ее обожествлению, т. е. к становлению крайних форм национализма, чаще всего проявляющихся в идеологиях расового или этнического превосходства. Роль секулярного характера общества в формировании национализма отмечал Х. Кон: «Только в современной истории человек стал рассматривать национальность в качестве центра политической и культурной жизнедеятельности. Поэтому национальность не абсолютна, и большая ошибка (лежащая в основе большинства крайностей современности) — рассматривать ее как абсолют, как некую объективную априорную данность, как источник всей политической и культурной жизни». И, продолжая, Кон указывает на две неверные трактовки национального вопроса: «Согласно первой теории, кровь или раса есть основа национальности... другая рассматривает народный дух (Volksgeist) как неисчерпаемый источник национальности во всех ее проявлениях» [3, с. 37].

Квазирелигиозность — обожествление нации — идет рука об руку с политической мотивацией национализма. Подобная деформация национального дискурса обусловлена утилитаризмом Нового времени. Утилитарность вообще характерна для культуры индустриального общества, где господствуют экономические и политические интересы. Как заметил П. А. Сорокин: «Истина, сведенная до нормы чистого удобства, до условности, до идеологии или “деривации”, прославляющая экономические и другие интересы, сама уничтожает себя. Ибо каждый в равной степени правомочен заявить, что его идеология верна лишь по той простой причине, что полезна ему» [7, с. 480]. Эта полезность и порождает так называемый политический национализм, при котором происходит подмена понятий. Место культурного смыслового наполнения национального конструкта занимает политический субъект, активно участвующий в борьбе за свои интересы. О политизации национальности в конце XIX в. пишет Хобсбаум: «...Начиная с 1880-х годов дискуссии по “национальному вопросу” приобретают серьезность и остроту, особенно среди социалистов, поскольку политическое влияние национальных лозунгов на массы потенциальных или действительных избирателей или сторонников массовых политических движений превратилось теперь в насущный вопрос реальной политики. Дебаты по таким вопросам, как теоретические критерии статуса нации, стали теперь бурными и страстными, поскольку предполагалось, что любой конкретный ответ влечет за собой вполне определенную политическую программу и особую стратегию политической борьбы» [8, с. 71].

Не случайно в конце XIX — начале XX в. обрела большую популярность политико-правовая формула «право наций на самоопределение», согласно которой создание национального государства стало одним из главных принципов образования нации. Историк А. Д. Градовский отмечал неразрывное единство народа и государства в революционную эпоху: «В новейшее время, особенно с успехами гражданской и политической свободы народов, национальный вопрос получает в западной Европе другую постановку. В глазах новейшей политической философии, в самостоятельности государства олицетворяются как право верховной власти на независимость,

так и право каждой народности на самостоятельное развитие. <...> Через государство осуществляется некоторое право народности на самостоятельную народную жизнь» [9, с. 9].

Однако этот принцип, несмотря на свою, как тогда казалось, обоснованность, определил путь формирования ложного национализма. Политический национализм не приводит к созданию уникального национального конструкта, он только оформляет существовавший ранее этнический материал, причем по общепринятому европейскому шаблону: стать такими же, как государства европейского мира, похожими на них. Государственность и ее независимость становятся самоцелью, что приводит к потере национального лица. Парадокс заключается в том, что политик-националист «...гонится и за максимальной “самобытностью”, и за тем, чтобы его нация выглядела “как все”, “не хуже других”» [1, с. 124], т. е. стремится к общепринятым признакам нации (в данном случае европейским стандартам: язык, территория, государственный суверенитет), и в результате возникает ряд новых национальных образований, у которых есть все признаки нации, но нет ее самой. Именно поэтому создание нации через принцип политической целесообразности приводит к обратному результату: вместо национального организма, обладающего собственными культурными ценностями, получается суррогат, некое подобие оригинальной индивидуальности.

Таким образом, наша современность представляет собой парадоксальную комбинацию рационального элемента политического мировоззрения с метафизическим. Становление секулярного сознания и обмирщение культуры создали предпосылки для переноса трансцендентных ценностей в политическую сферу и тем самым способствовали формированию ложного национализма.

Литература

1. **Бицилли П. М.** Проблема русско-украинских отношений в свете истории // Избранные труды по филологии / П. М. Бицилли; отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Наследие, 1996. С. 107—135.
2. **Межуев В. М.** Глобальное и локальное в современной культуре // Россия в диалоге культур. М.: Наука, 2010. С. 5—35.
3. **Кон Х.** Идея национализма // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма: [сб. ст.]. М.: Новое изд-во, 2010. С. 27—61.
4. **Бергер П.** Фальсифицированная секуляризация / Пер. с англ. А. Шишкова // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 8—20.
5. **Новгородцев П. И.** Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. 638 с.
6. **Клепинин Н. А.** Мысли о религиозном смысле национализма // Путь: орган русской религиозной мысли. 1927. № 6. С. 69—80.
7. **Сорокин П. А.** Кризис этики и права // Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. М.: Политиздат, 1992. С. 488—504.
8. **Хобсбаум Э.** Нации и национализм после 1780 г. / Пер. А. А. Васильев. СПб.: Алетейя, 1998. 306 с.
9. **Градовский А. Д.** Национальный вопрос в истории и литературе. СПб.: Тип. и лит. А. Траншиля, 1873. 320 с.

Сухорукова Ольга Александровна — кандидат исторических наук, доцент общеуниверситетской кафедры истории МГПУ и кафедры истории России, государства и права (ИРГиП) МИЭТ. E-mail: soa61@mail.ru